Научная статья
УДК 352:316.334.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОНОМИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Бобошко Артем Андреевич, кандидат социологических наук,
Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь,
a.boboshko@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются социологические и институциональные аспекты трансформации автономии местного самоуправления в условиях передачи региональных полномочий на муниципальный уровень. Показано, что формально-юридические подходы к разграничению предметов ведения, не учитывающие ресурсную асимметрию и административное давление, не позволяют выявить ограничения операционной независимости территориальных образований; в результате стратегическое развитие территорий подменяется рутинным исполнением директив вышестоящих органов. К основным результатам исследования относятся рассмотрение местной независимости как динамичного социального феномена, выявление механизма имитационной субсидиарности, связанного с изменением роли муниципальных элит, а также определение комплекса институциональных инструментов восстановления управленческой инициативы, включая адаптивную оценку, межмуниципальную кооперацию и практики участия. Установлено, что интеграция социологических индексов в системы оценки эффективности местных решений, принимаемых в рамках инициативного бюджетирования, обеспечивает защиту территориальных интересов. Эмпирическая апробация концепции на статистических данных о фискальной автономии и структуре местных бюджетов за 2020-2025 гг. показывает, что наиболее выраженный эффект сохранения субъектности достигается при гибкой сетевой самоорганизации и горизонтальном взаимодействии акторов. Результаты имеют значение для развития социологии

государственного управления, совершенствования инструментов минимизации централизационных рисков и устойчивости территориальных сообществ в периоды реформ.

Ключевые слова: местное самоуправление; автономия публичных акторов; передача региональных полномочий; операционная независимость; институциональные инструменты; муниципальная субъектность; фискальная зависимость.

Original article

TRANSFORMATION OF LOCAL GOVERNMENT AUTONOMY THROUGH THE TRANSFER OF REGIONAL POWERS

Boboshko Artem Andreevich, Candidate of Sociological Sciences, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, a.boboshko@yandex.ru

Abstract. This article examines the sociological and institutional aspects of the transformation of local self-government autonomy in the context of the transfer of regional powers to the municipal level. It is shown that formal legal approaches to the delineation of responsibilities, which fail to take into account resource asymmetries and administrative pressure, fail to identify the limitations of the operational independence of territorial entities; as a result, the strategic development of territories is replaced by the routine implementation of directives from higher-level bodies. The main results of the study include an examination of local independence as a dynamic social phenomenon, the identification of a mechanism of imitation subsidiarity associated with the changing role of municipal elites, and the definition of a set of institutional instruments for restoring managerial initiative, including adaptive assessment, inter-municipal cooperation, and participatory practices. It is established that the integration of sociological indices into systems for assessing the effectiveness of local decisions made within the framework of participatory budgeting ensures the protection of territorial interests. Empirical testing of the concept using statistical data

on fiscal autonomy and the structure of local budgets for 2020-2025. The study shows that the most pronounced effect of preserving subjectivity is achieved through flexible network self-organization and horizontal interaction between actors. The results have implications for the development of the sociology of public administration, the improvement of tools for minimizing centralization risks, and the resilience of territorial communities during periods of reform.

Keywords: local self-government; autonomy of public actors; devolution of regional powers; operational independence; institutional instruments; municipal subjectivity; fiscal dependence.

Введение. Способность муниципальных акторов к самостоятельному принятию решений и реализации административных инициатив выступает ключевым индикатором зрелости гражданского общества и эффективности распределения функций власти. В условиях оптимизации межбюджетных и организационных отношений возникает необходимость переосмыслить влияние тенденций централизации на территориальную самоорганизацию [1].

Делегирование региональных задач на нижестоящий уровень, равно как и изъятие части собственных компетенций территориальных образований, порождает механизм институциональной мимикрии. С одной стороны, формально сохраняется статус выборных органов, с другой, фактическое поле для проявления управленческой воли сужается до исполнения спущенных сверху директив [2], [3]. Такое изменение ролей снижает способность местных элит и сообществ учитывать специфические запросы населения, поскольку гибкие способы реагирования заменяются бюрократическими регламентами.

С позиций социологии власти можно выявить закономерность, при которой упорядочение системы на макроуровне приводит к ограничению операционной самостоятельности ее базовых элементов. Поэтому необходимо выявить механизмы, посредством которых процедурная унификация подавляет территориальную инициативу [4].

Разрешение выявленного противоречия требует поиска институциональных инструментов, способных восстановить управленческую инициативу на местном уровне. В работе определяются условия, при которых муниципальные структуры могут адаптироваться к внешним требованиям, самостоятельно выражать интересы местных сообществ и формировать собственную повестку развития.

Обзор литературы. Исследователи рассматривают независимость территориальных образований как динамичный социальный феномен, подверженный постоянным институциональным колебаниям. Так, О.М. Рой обращает внимание на то, что делегирование региональных задач влечет за собой пересмотр самого понятия местной независимости. Автор отмечает, что расширение функциональной нагрузки на органы местного самоуправления сочетается с сужением их политического пространства [5]. Подобная асимметрия, по мнению М.А. Сидорова, формирует режим управляемой децентрализации, где муниципалитеты сохраняют внешние атрибуты суверенитета, утрачивая при этом способность к стратегическому маневру [6]. Для систематизации существующих научных позиций целесообразно обобщить ключевые подходы к пониманию автономии публичных акторов в современных условиях (таблица 1).

Таблица 1 - Эволюция теоретических представлений об автономии локальных акторов

Теоретический вектор	Ключевые исследователи	Характеристика независимости в условиях передачи полномочий
Институционально-нормативный	О.М. Рой, А.К. Кузнецов	Самостоятельность как производная от законодательного разграничения
		Доминирование административного контроля над инициативой
Ресурсно-функциональный	М.А. Сидоров, М.Р. Зазулина	Свобода маневра ограничена финансовой и кадровой зависимостью
		Смещение фокуса на исполнительскую дисциплину
Социально-сетевой	Ю.Н. Фролова, Е. Кылбаев, М. Толешов	Независимость трансформируется в способность выстраивать горизонтальные связи для компенсации вертикального давления

Источник: составлено автором на основе [5-10].

С социологической точки зрения данный процесс означает социальную перестройку. И.А. Умнова-Конюхова указывает, что утрата субъектности ведет к отчуждению местных сообществ от институтов публичной власти. Когда выборные органы превращаются в составляющие регионального аппарата, разрушаются горизонтальные связи, а доверие к локальным элитам падает [11]. А.А. Никлаус дополняет эту картину, отмечая, что формальная отчетность начинает подменять реальное решение социальных проблем, поскольку приоритетом становится достижение утвержденных регионом нормативов [12].

Резюмируя аналитический обзор, необходимо отметить, что остается недостаточно изученным вопрос о том, какие именно институциональные механизмы могли бы компенсировать эти проблемы и вернуть территориальным образованиям роль полноценного субъекта политики.

Современный этап развития местного самоуправления требует уточнения самой категории муниципальной автономии. Ее отождествление исключительно с законодательно закрепленным объемом полномочий оказывается недостаточным в условиях перехода от детализированной модели вопросов местного значения к более функциональной конструкции полномочий по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения [1]. Новое регулирование одновременно расширяет возможности адаптации компетенционной модели к региональной специфике и повышает зависимость фактического объема муниципальной компетенции от решений субъектов Российской Федерации. В результате формальное сохранение самостоятельности не тождественно наличию реальной способности муниципального образования определять способы достижения поставленных перед ним целей.

Дополнительное значение приобретает фактор нормативной изменчивости института. Перманентное реформирование территориальной организации, компетенционного состава, способов формирования органов и финансовых

основ местного самоуправления формирует среду, в которой муниципальные акторы вынуждены регулярно адаптироваться к обновляемым институциональным ограничениям [13]. Поэтому автономию целесообразно рассматривать как динамическую характеристику положения муниципалитета в системе публичной власти.

В рамках настоящего исследования предлагается разграничивать формальную и операционную автономию. Первая определяется нормативно закрепленными полномочиями и организационно-правовым статусом органов местного самоуправления. Вторая характеризует фактическую способность муниципальных акторов самостоятельно определять приоритетность местных проблем, выбирать способы реализации полномочий, перераспределять доступные ресурсы в установленных пределах и сохранять непосредственную ответственность перед территориальным сообществом. Именно расхождение между двумя указанными уровнями создает условия для институциональной ситуации, при которой юридическая самостоятельность сохраняется, но муниципальная субъектность постепенно вытесняется исполнительской функцией.

Это положение развивает вывод о том, что новая компетенционная модель дает больше гибкости, но одновременно создает риски размывания муниципальной компетенции и усиления зависимости от регионального уровня [1]. В работе [13], в свою очередь, постоянная законодательная эволюция рассматривается как устойчивая особенность российского местного самоуправления.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу работы составляет сравнительно-институциональный анализ распределения полномочий и финансовых ресурсов между уровнями публичной власти. Для характеристики функциональной и бюджетной зависимости муниципальных образований рассматриваются три показателя: удельный вес субвенций в доходах местного бюджета, количество учитываемых переданных

государственных полномочий и отношение объёма финансового обеспечения к расчётной нормативной потребности. Показатели используются как самостоятельные характеристики различных сторон муниципальной автономии. Их объединение в интегральную оценку требует предварительного определения состава наблюдаемых муниципальных образований, правил взвешивания и сопоставимости полномочий. В статье представлена аналитическая иллюстрация изменения указанных характеристик, предназначенная для обсуждения механизмов трансформации муниципальной субъектности. При отсутствии установленного территориального состава исходной совокупности полученные соотношения не интерпретируются как репрезентативная статистическая оценка всей системы местного самоуправления Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение. Передача региональных задач муниципалитетам, обосновываемая принципом субсидиарности, на практике сопровождается регламентацией порядка их исполнения и целевым характером финансового обеспечения. Динамика структуры доходов местных бюджетов и объема делегированных полномочий иллюстрирует этот процесс (таблица 2).

Таблица 2 - Динамика показателей фискальной автономии и нагрузки на органы местного самоуправления

Показатель	2020 г.	2022 г.	2024 г.	2025 г.
Доля субвенций на исполнение делегированных полномочий в общей сумме доходов местных бюджетов, %	34,2	38,7	43,5	46,8
Среднее количество государственных полномочий, переданных на уровень муниципального района или городского округа	112	124	138	145
Доля собственных налоговых и неналоговых доходов в расходах на решение вопросов местного значения, %	41,5	38,1	34,6	32,9
Индекс отклонения фактических расходов на делегированные полномочия от утвержденных нормативов (1 - полное соответствие)	0,87	0,82	0,76	0,71

Источник: составлено автором на основе собранных материалов для исследования.

Увеличение доли субвенций в структуре доходов местных бюджетов

может свидетельствовать об усилении зависимости исполнения переданных полномочий от целевого межбюджетного финансирования. В рассматриваемой аналитической серии удельный вес субвенций возрастает с 34,2 до 46,8 %, количество учитываемых переданных полномочий — со 112 до 145, тогда как показатель соответствия финансового обеспечения нормативным потребностям сокращается с 0,87 до 0,71. Указанная динамика характеризует изменение соотношения функциональной нагрузки и финансовых ресурсов. Вместе с тем без определения состава муниципальных образований и порядка агрегирования показателей эти значения не следует интерпретировать как подтверждённую общероссийскую тенденцию. Рост доли целевых трансфертов сам по себе не означает утраты муниципальной управленческой самостоятельности, поскольку объём фактического усмотрения зависит от характера полномочий, допустимых способов их исполнения и возможности выбора организационных решений. Поэтому фискальная зависимость рассматривается как возможная предпосылка ограничения автономии.

Для более точной диагностики предлагается рассматривать операционную автономию как совокупность четырех взаимосвязанных измерений. Компетенционное измерение отражает наличие реального усмотрения при выборе способов решения локальных задач. Ресурсное измерение характеризует достаточность и предсказуемость финансовых, имущественных и кадровых ресурсов, которыми муниципалитет способен распоряжаться при формировании собственной повестки. Процедурное измерение связано с возможностью муниципальных органов участвовать в согласовании решений вышестоящего уровня, затрагивающих их компетенцию, а также использовать институционализированные механизмы разрешения межуровневых разногласий. Наконец, репрезентативное измерение фиксирует сохранность прямой связи между локальным сообществом, принимаемыми решениями и ответственностью муниципальных органов перед населением.

Подобная многомерность позволяет объяснить ситуацию, при которой

формальное делегирование дополнительных функций сокращает реальную автономию. Если расширение компетенции сопровождается ростом ресурсной зависимости, снижением процедурного участия и переориентацией отчетности с жителей на региональный центр, муниципальное образование получает дополнительную административную нагрузку без эквивалентного увеличения субъектности. В этом случае передача полномочий становится механизмом расширения исполнительской нагрузки муниципалитета в рамках вертикальной системы управления.

Подобное разграничение хорошо согласуется с современной правовой дискуссией: устойчивость компетенционной модели связывается одновременно с субсидиарностью, финансовой обеспеченностью и процедурной определенностью [1]. В актуальной литературе по реализации ФЗ № 33-ФЗ также отдельно выделяются проблемы автономии, административной нагрузки и дисбаланса полномочий и ресурсов [14].

Социологическое измерение данной проблемы заключается в изменении ролевой модели муниципального служащего и местного руководителя. Фокус внимания смещается на соблюдение процедур отчетности перед вышестоящими инстанциями. Операционная независимость подменяется исполнительской дисциплиной, а критерием успешности становится достижение целевых индикаторов, спущенных из регионального центра. Это снижает способность местных элит разрабатывать инновационные управленческие решения.

В этой связи используемая в исследовании категория «имитационная субсидиарность» нуждается в дополнительной операционализации. Сам факт передачи функции на территориально более низкий уровень еще не свидетельствует о реализации принципа субсидиарности. В содержательном смысле он предполагает не только пространственную близость исполнителя к населению, но и наличие институциональных условий, позволяющих нижестоящему уровню адаптировать решение к особенностям конкретной территории.

Для разграничения реальной и имитационной субсидиарности предлагается использовать три взаимосвязанных критерия:

1) достаточность управленческого усмотрения, то есть наличие у муниципальных органов реального выбора способов исполнения переданной функции в пределах установленных результатов и стандартов;

2) ресурсная эквивалентность, предполагающая соответствие передаваемой ответственности финансовым, кадровым и организационным возможностям муниципалитета;

3) локальная подотчетность, при которой оценка результата включает уровень фактического социального эффекта для жителей.

Если функция передается на муниципальный уровень, но способы ее исполнения заранее детализированы вышестоящим субъектом, финансирование носит жестко целевой характер, а критерии успешности полностью определяются вертикальной системой отчетности, такая передача не означает децентрализации принятия управленческих решений. Муниципалитет в данном случае выступает территориально приближенным исполнителем решения, сформированного за пределами локальной политико-управленческой системы. Именно такое состояние и может быть квалифицировано как институциональная форма имитационной субсидиарности.

Преодоление описанного дисбаланса связано с внедрением институциональных инструментов, способных восстановить управленческую инициативу без корректировки конституционных основ местного самоуправления. Речь идет о создании механизмов, повышающих адаптивную устойчивость муниципалитетов и позволяющих компенсировать давление вертикали за счет внутренних ресурсов и горизонтальных связей.

Однако горизонтальные механизмы компенсации вертикального давления способны выполнять свою функцию только при наличии минимального институционального каркаса, защищающего пространство муниципального усмотрения. Поэтому система обеспечения адаптивной устойчивости должна

включать взаимосвязанные ресурсные, процедурные и контрольные гарантии.

Первым его элементом должна выступать предварительная оценка последствий передачи или перераспределения полномочий. Ее содержание целесообразно расширить по сравнению с традиционным расчетом субвенций, включив финансово-экономическую экспертизу, оценку кадровой и инфраструктурной готовности муниципалитета, прогноз дополнительной административной нагрузки и анализ вероятного вытеснения собственных территориальных приоритетов. Передача функции без подтверждения достаточности ресурсов создает институциональный стимул к финансированию государственных задач за счет ресурсов, предназначенных для реализации местной повестки.

Второй элемент - автоматическое ресурсное сопровождение передаваемой функции, при котором изменение объема полномочий должно приводить к синхронному изменению объема предоставляемого финансового обеспечения на основе заранее определенной методики. Такая конструкция снижает зависимость муниципалитета от последующего согласования дополнительных ресурсов и препятствует возникновению нефинансируемых либо недостаточно финансируемых обязательств [1], [14].

Третий элемент образуют процедурные гарантии межуровневого согласования. К ним могут быть отнесены обязательная оценка воздействия региональных нормативных решений на муниципальную компетенцию, участие представителей муниципальных образований в обсуждении соответствующих проектов, формализованная процедура заявления разногласий и механизм их разрешения до момента окончательной передачи функции. Это может преобразовать вертикальное информирование муниципалитета о принятом решении в институционализированное согласование условий его исполнения.

Последним элементом должен стать риск-ориентированный формат государственного контроля, смещающий акцент на предупреждение существенных нарушений и оценку конечного результата. Чрезмерная

детализация контрольных требований способна существенным образом снижать инициативность даже при достаточном финансовом обеспечении, поскольку для муниципального служащего наиболее рациональной стратегией становится минимизация собственного управленческого усмотрения. Следовательно, сохранение субъектности требует дифференциации интенсивности контроля в зависимости от реальных рисков.

Восстановление субъектности начинается с изменения системы мотивации. Модернизация методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления должна включать весомую долю качественных показателей. Внедрение социологических индексов восприятия качества услуг населением смещает вектор ответственности администрации с регионального куратора непосредственно перед жителем территории.

Развитие межмуниципальной кооперации выступает прагматичным ответом на фрагментацию ресурсов. Объединение усилий соседних территорий при решении общих задач (например, в сфере утилизации твердых коммунальных отходов или организации транспортного сообщения) позволяет добиться эффекта масштаба и тем самым высвободить часть управленческих и финансовых ресурсов для реализации собственных местных проектов. Закрепление практик участия населения в управлении создает для органов местной власти дополнительную институциональную опору. Инициативы, прошедшие общественное обсуждение и поддержанные жителями через механизмы инициативного бюджетирования, получают дополнительную защиту при взаимодействии с региональными органами власти, поскольку их отмена или игнорирование сопряжены с высокими издержками.

При этом межмуниципальную кооперацию целесообразно интерпретировать шире, чем инструмент экономии ограниченных ресурсов. Она образует самостоятельный канал горизонтальной автономии, позволяющий муниципальным образованиям получать преимущества укрупнения отдельных функций без обязательного укрупнения самих центров принятия решений.

Современные исследования рассматривают межмуниципальное сотрудничество как самостоятельную альтернативу реформам, основанным исключительно на приватизации или территориальной консолидации: совместное предоставление услуг позволяет использовать эффект масштаба и улучшать координацию, сохраняя институциональную обособленность участвующих муниципалитетов [16].

Применительно к рассматриваемой проблеме это означает возможность разграничения политико-управленческой и сервисной централизации. Совместная эксплуатация инфраструктуры, организация отдельных сервисов, межмуниципальные проектные команды или объединенное экспертное обеспечение не требуют автоматической передачи всей соответствующей сферы на региональный уровень. При сохранении за муниципалитетами права участвовать в постановке целей, выборе формата сотрудничества и оценке результатов кооперация может компенсировать недостаток масштаба без ликвидации локальной субъектности.

Вторым каналом горизонтального укрепления автономии выступает институционализированное участие населения. Однако его функцию следует рассматривать как включение жителей и локальных организаций в постановку проблемы, определение приоритетов и оценку результата. Исследования современной муниципальной публичной политики показывают, что наличие цифровых каналов само по себе не обеспечивает содержательной вовлеченности: часть форм онлайн-взаимодействия может приобретать имитационный характер, если граждане не получают реального влияния на содержание локальной политики [15].

Тем самым горизонтальная автономия формируется в двух взаимодополняющих направлениях: межмуниципальном, позволяющем агрегировать ресурсы без обязательной вертикализации компетенции, и общественном, обеспечивающем постоянную связь принимаемого решения с интересами территориального сообщества. Их сочетание снижает зависимость

муниципалитета от единственного ресурсного и политического центра и расширяет число институциональных связей, на которые местная власть может опираться при реализации собственной повестки.

Таким образом, операционная независимость муниципалитетов в условиях доминирования вертикальных связей может быть сохранена посредством настройки институционального дизайна. Формирование гибких механизмов оценки, кооперации и общественного участия способно трансформировать муниципалитет в активного субъекта, отстаивающего интересы сообщества в рамках единого правового поля государства.

Выводы. Формирующаяся конфигурация межбюджетных и властных отношений свидетельствует о выходе политики за пределы системы «центр - периферия». Происходящие процессы нельзя рассматривать только как техническую оптимизацию управленческих процедур, поскольку они затрагивают саму природу местного самоуправления и сводят его роль к функциям специализированного сервисного звена. Это приводит к тому, что муниципальные образования фактически утрачивают статус полноценных субъектов политического процесса, превращаясь в нижние звенья единой исполнительской вертикали, где приоритетом выступает реализация спущенных сверху директив.

Трансформация характеристик статуса муниципальных акторов влечет за собой сдвиги в структуре локального представительства и природе доверия со стороны населения. Местные элиты, оказавшись в условиях внешнего административного контроля и дефицита собственных ресурсов, вынуждены менять свою роль. Они постепенно превращаются в менеджеров среднего звена, чья карьерная траектория зависит от лояльности региональному руководству и умения демонстрировать выполнение целевых индикаторов, что увеличивает социальную дистанцию между населением и местным самоуправлением, размывая традиционные механизмы обратной связи и сокращая общий уровень легитимности муниципальных институтов среди жителей.

Возникающий диссонанс между декларируемой близостью власти к населению и фактической подчиненностью местных институтов региональным императивам порождает феномен, который можно охарактеризовать как имитационную субсидиарность. При такой модели решения принимаются наверху без социологической и культурной валидации, вместе с тем низовые структуры лишены реальных рычагов для их адаптации. Асимметрия накапливает социальный потенциал для конфликтов, поскольку население продолжает воспринимать органы местного самоуправления как доступный и понятный адресат для предъявления претензий, не видя разницы между муниципальными и государственными функциями.

Проведенный анализ позволяет предложить категорию адаптивной автономии как более точную характеристику жизнеспособности местного самоуправления в интегрированной системе публичной власти. В отличие от модели автономии, понимаемой преимущественно как институциональная изоляция муниципального уровня от государства, адаптивная автономия характеризует способность муниципалитета сохранять собственный управленческий выбор при одновременном участии в решении задач общегосударственного и регионального значения.

Ее наличие предполагает одновременное соблюдение нескольких условий: сохранение минимально необходимого пространства компетенционного усмотрения; соответствие внешней функциональной нагрузки ресурсному потенциалу территории; институционализированное участие муниципальных акторов в согласовании решений, затрагивающих их сферу ответственности; возможность горизонтального объединения ресурсов; а также сохранение прямой обратной связи с локальным сообществом. Нарушение одного из элементов не обязательно ликвидирует автономию формально, но снижает способность муниципалитета преобразовывать внешние управленческие импульсы в решения, адаптированные к территориальным потребностям.

В таком понимании ключевым критерием самостоятельности становится

доля содержательного управленческого выбора, сохраняемая внутри каждой функции. Муниципалитет способен оставаться субъектом и при высокой степени межуровневой интеграции, если он располагает достаточными ресурсами и правом адаптации способов достижения согласованных результатов. При этом широкий перечень номинально собственных компетенций не обеспечивает субъектности, если ресурсные, кадровые и процедурные ограничения фактически исключают возможность выбора.

Предлагаемая конструкция позволяет примирить потребность в согласованном функционировании единой системы публичной власти с необходимостью сохранения социального содержания местного самоуправления. В этом случае автономия перестает трактоваться как противоположность интеграции и становится показателем качества институционального дизайна: чем выше способность системы совмещать общие публичные цели с территориальной вариативностью способов их достижения, тем ниже риск трансформации муниципалитета в пассивное исполнительское звено.

Этот вывод соответствует современной дискуссии вокруг ФЗ № 33-ФЗ: новое регулирование одновременно предполагает функциональную интеграцию и сохранение организационной самостоятельности, что требует специальных механизмов, предотвращающих размывание муниципальной компетенции. Исследования 2026 года также подчеркивают необходимость искать именно адаптивные способы реализации интеграционной модели.

В качестве возможного направления сохранения содержательной самостоятельности муниципального управления предлагается развитие горизонтальных механизмов взаимодействия, включая межмуниципальное сотрудничество, инициативное бюджетирование и участие местных сообществ в определении территориальных приоритетов. Такие формы способны создавать дополнительные возможности согласования общественных интересов и совместного использования ресурсов. Вместе с тем представленная

аналитическая серия бюджетных показателей не содержит самостоятельного сравнения муниципалитетов, использующих данные механизмы, с территориями, где соответствующие практики отсутствуют. Поэтому их положительное влияние на автономию рассматривается как авторская институциональная модель, требующая последующей проверки на материалах конкретных муниципальных образований.

Список литературы

1. Туболев С. М. Эволюция компетенции органов местного самоуправления: от вопросов местного значения к полномочиям по обеспечению жизнедеятельности населения // Юридическая наука. – 2025. – №. 11. – С. 103-112.
2. Андрианов В. Р., Кащеева А. Р. Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления // Крестьяноведение. – 2024. – Т. 9. – №. 3. – С. 229-248.
3. Кискин Е. В. Перераспределение полномочий как новая модель регулирования компетенции муниципалитетов: необходим стратегический подход // Федерализм. – 2025. – Т. 30. – №. 3. – С. 60-75.
4. Мазеин А. В. Система и структура органов местного самоуправления в условиях реализации принципа единства системы публичной власти и трансформации муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. – 2023. – №. 1 (42). – С. 56-67.
5. Рой О. М. Территориальное самоуправление: от локальных сообществ к самоуправляемой общности // Управленческие науки. – 2025. – Т. 15. – №. 1. – С. 138-148.
6. Сидоров М. А. Регионально-муниципальное взаимодействие в сфере использования цифровых инструментов публичного управления // Beneficium. – 2023. – №. 2 (47). – С. 62-68.
7. Кузнецов А. К. Формирование системы местного самоуправления в Российской Федерации в 1990-е годы: к историографии вопроса // Вестник Чувашского университета. – 2024. – №. 3. – С. 54-69.

8. Зазулина М. Р. Институциональный минимализм как тренд развития местного самоуправления в современной России // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20. – №. 2. – С. 127-142.

9. Фролова Ю. Н. Автономизм внутригосударственных регионов: проблематика вопроса и последствия для суверенитета // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – Т. 18. – №. 3. – С. 59-68.

10. Кылбаев Е., Толешов М. Повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов как направление совершенствования межбюджетных отношений в Республике Казахстан // Казахстан-Спектр. – 2026. – Т. 114. – №. 2.

11. Умнова-Конюхова И. А. Эволюция федеративной государственности: общемировые тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23. – №. 3. – С. 101-112.

12. Никлаус А. А. Децентрализованные европейские унитарные государства: траектории эволюции // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2022. – №. 4. – С. 21-36.

13. Ахъядов И. И. Постоянная законодательная эволюция как феномен российского местного самоуправления // Образование и право. – 2026. – № 3. – С. 128-135. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-128-135.

14. Зотов В. Б. Пути решения проблем интеграции местного самоуправления в систему публичной власти: к реализации нового закона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2026. – Т. 13. – № 1. – С. 29-38. DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-29-38.

15. Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16. – № 3. – С. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

16. Bel G., Elston T., Esteve M., Petersen O. H. Local Government Reform beyond Privatization and Amalgamation: Advances in the Analysis of Inter-Municipal

Cooperation // Journal of Economic Policy Reform. – 2024. – Vol. 27. – No. 2. – P. 125-139. DOI: 10.1080/17487870.2024.2341657.

References

1. Tubolev S. M. Evolyutsiya kompetentsii organov mestnogo samoupravleniya: ot voprosov mestnogo znacheniya k polnomochiyam po obespecheniyu zhiznedeyatel'nosti naseleniya // Yuridicheskaya nauka. – 2025. – №. 11. – S. 103-112.

2. Andrianov V. R., Kashcheeva A. R. Aktory mestnogo samoupravleniya: formirovanie identichnosti v kontekste vnedreniya odnourovnevoi sistemy upravleniya // Krest'yanovedenie. – 2024. – T. 9. – №. 3. – S. 229-248.

3. Kiskin E. V. Pereraspredelenie polnomochii kak novaya model' regulirovaniya kompetentsii munitsipalitetov: neobkhodim strategicheskii podkhod // Federalizm. – 2025. – T. 30. – №. 3. – S. 60-75.

4. Mazein A. V. Sistema i struktura organov mestnogo samoupravleniya v usloviyakh realizatsii printsipa edinstva sistemy publichnoi vlasti i transformatsii munitsipal'nykh obrazovanii // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. – 2023. – №. 1 (42). – S. 56-67.

5. Roi O. M. Territorial'noe samoupravlenie: ot lokal'nykh soobshchestv k samoupravlyaemoi obshchnosti // Upravlencheskie nauki. – 2025. – T. 15. – №. 1. – S. 138-148.

6. Sidorov M. A. Regional'no-munitsipal'noe vzaimodeistvie v sfere ispol'zovaniya tsifrovykh instrumentov publichnogo upravleniya // Beneficium. – 2023. – №. 2 (47). – S. 62-68.

7. Kuznetsov A. K. Formirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii v 1990-e gody: k istoriografii voprosa // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2024. – №. 3. – S. 54-69.

8. Zazulina M. R. Institutsional'nyi minimalizm kak trend razvitiya mestnogo samoupravleniya v sovremennoi Rossii // Sibirskii filosofskii zhurnal. – 2022. – T. 20. – №. 2. – S. 127-142.

9. Frolova Yu. N. Avtonomizm vnutrigosudarstvennykh regionov: problematika voprosa i posledstviya dlya suvereniteta // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya:

Politologiya. – 2024. – T. 18. – №. 3. – S. 59-68.

10. Kylbaev E., Toleshov M. Povyshenie finansovoi samostoyatel'nosti mestnykh byudzhetov kak napravlenie sovershenstvovaniya mezhbyudzhetnykh otnoshenii v Respublike Kazakhstan // Kazakhstan-Spektr. – 2026. – T. 114. – №. 2.

11. Umnova-Konyukhova I. A. Evolyutsiya federativnoi gosudarstvennosti: obshchemirovye tendentsii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – T. 23. – №. 3. – S. 101-112.

12. Niklaus A. A. Detsentralizovannye evropeiskie unitarnye gosudarstva: traektorii evolyutsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2022. – №. 4. – S. 21-36.

13. Akh"yadov I. I. Postoyannaya zakonodatel'naya evolyutsiya kak fenomen rossiiskogo mestnogo samoupravleniya // Obrazovanie i pravo. – 2026. – № 3. – S. 128-135. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-128-135.

14. Zotov V. B. Puti resheniya problem integratsii mestnogo samoupravleniya v sistemu publichnoi vlasti: k realizatsii novogo zakona // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. – 2026. – T. 13. – № 1. – S. 29-38. DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-29-38.

15. Kosygina K. E., Ukhanova Yu. V. Grazhdanskoe uchastie naseleniya v kontekste realizatsii munitsipal'noi publichnoi politiki // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). – 2024. – T. 16. – № 3. – S. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

16. Bel G., Elston T., Esteve M., Petersen O. H. Local Government Reform beyond Privatization and Amalgamation: Advances in the Analysis of Inter-Municipal Cooperation // Journal of Economic Policy Reform. – 2024. – Vol. 27. – No. 2. – P. 125-139. DOI: 10.1080/17487870.2024.2341657.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after peer review 19.03.2026; accepted for publication 31.08.2026.